

РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТУРКЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОСНОВНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Выявляются и анализируются основные социокультурные характеристики русских переселенцев в Туркестане в конце XIX – начале XX в., сформировавшиеся в ходе реализации переселенческой политики Российской империи в Центральной Азии, выявленные в докладах и отчетах чиновников, приезжающих в Туркестанское генерал-губернаторство с целью ревизии. К данным характеристикам относятся преимущественное привлечение православных русских, стремление русской администрации расселить переселенцев отдельными анклавами в сельской местности и «русской части» городов, а также слабая степень консолидации внутри переселенческих анклавов.

Ключевые слова: переселенцы; православие; Туркестан; разобщенность; коренное население; земельный вопрос.

В настоящее время заново переосмысливаются процессы водворения русских переселенцев в Туркестанское генерал-губернаторство во второй половине XIX – начале XX в. Основные наработки по вопросам освоения Туркестана русскими переселенцами были сделаны в советское время. В раннесоветский период о русских переселенцах в дореволюционной Центральной Азии не писалось, так как в национальной политике главенствовала идея о стирании национальных различий при социализме. Первые обобщающие публикации о русском переселенческом сообществе в Туркестане появились довольно поздно, в 1980–1990-е гг. [1, 2]. В данных работах воссоздается процесс освоения Туркестана русскими переселенцами и устройства переселенческих поселков, а также основное внимание уделяется проблемам землепользования, размежевания наделов между пришлым и коренным населением региона.

В трудах советского времени русские переселенцы в Туркестане рассматривались как целостное сообщество. Это связано с тем, что в СССР, даже при исследовании вопросов переселенческой политики Российской империи в Центральной Азии, в большей степени уделялось внимание социально-экономическим факторам. В опубликованной позднее работе О.И. Брусиной о судьбах славян в Средней Азии в конце XIX – XX вв. были рассмотрены вопросы специфики бытовой культуры, языка и самосознания первых переселенцев в Туркестан [3]. Тем не менее исследователи в меньшей степени анализировали социокультурные характеристики переселенческого сообщества, в то время как многочисленные заметки первых управленцев и исследователей края, сохранившиеся в публицистике, материалах делопроизводительной документации Туркестанского генерал-губернаторства, отчетах ревизионных комиссий и других, содержат богатейший этнографический материал о духовной и социокультурной жизни русских переселенцев в изучаемый период.

В представленной статье автор выявляет основные социокультурные характеристики первых русских переселенцев в дореволюционном Туркестане, опираясь на материалы о переселенческом деле в Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. В основу статьи легли материалы докладов и отчетов чиновников, периодически посылаемых в Туркестан с целью ревизии. Отчеты ревизий дают

более целостное представление о проблемах и сложностях, возникших в переселенческом деле, включая этнографические заметки о быте переселенцев, их взаимодействии с коренным населением региона. Наиболее важные суждения содержатся в отчетах сенатора-ревизора К.К. Палена, чиновника по особым поручениям Н.А. Гаврилова, отчетах исследователя И.И. Гейера, экономиста и статиста А.А. Кауфмана.

Сырдарьинская область являлась внутренней территорией Туркестана с высокой плотностью проживания коренного населения. Согласно переписи населения 1897 г. по Сырдарьинской области среди коренного населения большинство по признаку языка составляли казахи – 64,4%, тюрки – 10,73, сарты – 9,76, узбеки – 4,34%. Среди пришлого населения русские составляли 2,16%, украинцы – 0,87, белорусы – 0,1% [4. С. XI].

С начала освоения Туркестана у русских переселенцев было особое положение в регионе, что повлияло на формирование их социокультурных особенностей. Анализируя различные документальные источники о русском освоении Туркестана в конце XIX – начале XX в., можно выделить следующие социокультурные характеристики русского сообщества: 1) православие; 2) проживание отдельными анклавами во вновь создаваемых переселенческих поселках или «русской части» городов Туркестана; 3) отчужденность и неконсолидированность переселенцев.

Русская администрация Туркестана придавала важное значение религии водворяемых переселенцев – православию, что было закреплено в Туркестанском положении 1886 г., согласно которому утверждались правила переселения в край. В Туркестанском положении 1886 г. было прописано требование приоритетного переселения православных во вновь присоединенную окраину. К водворению в Туркестан допускались преимущественно русские *православного вероисповедания*, принадлежавшие к сословию сельских обывателей. Переселенцам отводились участки из свободных государственных земель, выделяемые, исходя из возможностей данной местности, но не более 10 десятин на каждого работника [5. С. 181]. Согласно данным переписи населения 1897 г. по Сырдарьинской области доля православных составляла 2,86%, старообрядцев – 0,19, католиков – 0,2, протестантов – 0,13, остальных христиан – 0,01 [4. С. XI]. Среди пришлого населения в Сырдарьинской области православные были большинством.

Русские переселенцы из различных регионов Российской империи в Туркестане, различающиеся по диалектам и говору, особенностям ведения хозяйства и быта, традициям и менталитету, успешнее всего могли сплотиться по принципу принадлежности к православной общине. Православие как государственная религия в Российской империи обеспечивала связь переселенцев с государством в Туркестане, который в большинстве был заселен мусульманским коренным населением [6. С. 41].

Кроме православных, в Туркестан в ограниченных масштабах заселялись представители других христианских вероисповеданий – сектанты и старообрядцы, размещавшиеся преимущественно в Закаспийской и Семиреченской областях, хотя эти группы попадали и в коренные области региона Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. В Сырдарьинской области был известен случай водворения молокан из Кавказа (русская рационалистическая секта) отдельным поселком в Ташкентском уезде. Туркестанские чиновники в отчетах отмечали, что молокане как особая группа русских в хозяйственном плане отличались стабильностью и крепостью хозяйства. Молокане отвергали православный культ, считали греховным употребление в пищу свинины и спиртных напитков, что положительно выделяло их на фоне православных переселенцев. В одной из газетных заметок о переселенческом деле в Туркестане в 1906 г. отмечалось следующее: «В поселке Алексеевка в Ташкентском уезде поселилось около 60 семей коренных русских людей – молокане народ трезвый, не пьющий, даже не курящий табаку, богобоязненный, скромный и честный» [7. Л. 2]. Туркестанскому правительству, в первую очередь, импонировало стабильное хозяйство молокан и отказ от употребления спиртных напитков. В Ташкентском уезде существовали села, в которых совместно с православными проживали старообрядцы, молокане, баптисты, субботники, иеговисты, а также последователи учения Л.Н. Толстого [8. Л. 46].

Сравнивая хозяйственные характеристики сектантов и православных, чиновники отмечали, что последние проигрывают сектантам в нравственном облике и успешности ведения переселенческого хозяйства. Это связано в первую очередь с тем, что аграрное напряжение в Европейской России выдавливало в начале малоземельных или безземельных крестьян, располагающих небольшими денежными средствами от продажи сельскохозяйственного инвентаря.

Несмотря на то что молокане, другие сектанты и старообрядцы являлись русскими и по хозяйственным характеристикам положительно выделялись, военный губернатор Сырдарьинской области в 1910 г. в отчете туркестанскому генерал-губернатору писал: «...сектанты <...> пока не желательны в крае, так как у них не только отпадает один из существенных элементов связи края с Государством – **религия** (выделено мною. – Ю.Ц.), но обособленность их религии ослабляет даже племенную их связь с главною массою православного русского населения» [Там же. Л. 46 об.]. В целом в 1910-е гг. изменилось отношение властей к неправославным русским переселенцам в сторону боль-

шей терпимости в деле водворения в регион сектантов на общих основаниях с православными, хотя принципы переселенческой политики в итоге не изменились. С экономической точки зрения хозяйства немцев-лютеран и сектантов были успешнее, но государство поддерживало переселение православных русских, тем самым, пытаясь консолидировать разнородное русское сообщество с помощью государственной религии.

Вторая важная социокультурная особенность была связана с тем, что русские переселенцы проживали отдельными анклавами во вновь создаваемых переселенческих поселках или «русской части» городов Туркестанского генерал-губернаторства. Власть стремилась максимально оградить переселенцев от контактов с местным населением. Компактное расселение русских во вновь созданных населенных пунктах было необходимым по хозяйственно-административным причинам и по вопросам безопасности во вновь присоединенном регионе, заселенном коренным населением, отличающимся традициями, обычаями, а также приверженностью к исламу. К тому же автохтонное население региона не всегда было благодушно настроено по отношению к пришлым.

Основой государственной политики по освоению присоединенного Туркестана стала колонизация сельского населения с целью формирования крепких крестьянских хозяйств, в том числе основанных на выращивании хлопка. В Туркестане, где проживало как оседлоземледельческое, так и кочевое население, русская администрация воздерживалась от захвата у коренного населения орошаемых земель под переселенческие поселки, опасаясь возможного восстания и сокращения хлопковых посевов [2. С. 34]. Для сельских обывателей из европейских регионов России создавались новые переселенческие поселки, в которых селились крестьяне, зачастую по соседству с автохтонным населением региона. В городах прибывшие в край туркестанские управленцы, интеллигенция, врачи, отставные военные и их семьи, ремесленники и другие проживали в отдельных районах – «русской части». Как правило, «русская часть» города обустроивалась постепенно, в ней появлялись административные и жилые здания, больницы, бани, водопроводная система. Здесь выстраивались собственные системы управления, силовой аппарат и даже тюрьма.

Несмотря на то что русская администрация стремилась к «закрытости» селений и «русских частей» городов, этот принцип для коренных жителей региона не соблюдался строго. В «русской части» городов и в переселенческих поселках проживали и местные жители. К примеру, согласно ведомостям о населении г. Ташкент в 1896 г. в «туземной части» проживали 127 707 человек обоего пола, в то время как в «русской части» – 19 912, из них в русской части Ташкента 5 903 жителей являлись туземцами (коренными жителями региона. – Ю.Ц.) [9. Л. 117].

В дореволюционный период было построено 6 новых русских городов, при чем 2 из них на некотором удалении от старых городов: в 1877 г. появился город Новый Маргилан (с 1907 г. переименован в Скобелев, с 1924 г. – в Фергану) как военно-административный

центр в Ферганской области, в 1888 г. в 12 км от Бухары был построен поселок Новая Бухара (с 1935 г. – Каган) при Закаспийской железной дороге. В таких «старых» городах, как Ташкент, Андижан, Наманган, Коканд, новые города строили на площадях, примыкавших к старым.

Фактически уже в первые годы после водворения между переселенцами и коренными жителями устанавливались хозяйственные, торговые и добрососедские отношения. В истории освоения Туркестана можно найти случаи, когда русские селились в кишлаках. Один из таких примеров – судьба молодого военного врача (по специализации – окулиста) из Петербурга И.П. Швердина, добившегося назначения в 1899 г. врачом в кишлак Тилляу Ташкентского уезда в Ахангаранской долине. Ахангаранская долина хотя и находилась в непосредственной близости от Ташкента (100 верст), считалась «долиной смерти» из-за обилия различных тропических болезней. Проживающие в долине жители страдали от конъюнктивита, оспы, малярии и др. В конце XIX в. больниц в кишлаках Ташкентского уезда Сырдарьинской области не было, кое-где населению помогали специально обученные фельдшеры. И.П. Швердин смог открыть сельскую больницу-амбулаторию и оказывать медицинскую помощь местным жителям, с раннего возраста страдающим от слепоты и других болезней [10. С. 18–20].

К явно проявившимся социокультурным характеристикам русских переселенцев в Туркестане можно отнести высокую степень разобщенности и отчужденности. Русские переселенцы не были консолидированной группой, трудности проявлялись в социально-экономической разобщенности и конкуренции между старожилами и вновь прибывшими переселенцами в конце XIX – начале XX в., между переселенцами из разных губерний Российской империи.

Первые переселенческие поселки в Сырдарьинской области появились в середине 1870-х гг. В 1890-х гг. в Туркестан усилились потоки переселенцев, много слышавших о богатствах старожильческих сел. Во всех областях туркестанская администрация изыскивала земли для образования новых переселенческих поселков, хотя орошаемых земельных наделов катастрофически не хватало. В этих условиях в ожидании приписки в старожильческих поселках в Туркестане скопились «билетные» переселенцы из Европейской России, получившие разрешение на водворение в край, но ожидающие причисления к новым поселкам с земельными наделами. Кроме «билетных», в Туркестане ожидали водворения самовольные переселенцы, прибывшие без приписных свидетельств. В большинстве случаев в Сырдарьинской области безземельные переселенцы оседали в старожильческих поселках, в которых им легче всего было найти временные заработки, связанные с обработкой земель. Острая конкуренция за водные и земельные ресурсы, неурегулированность многих административных норм накаляли взаимодействие между русскими старожилами и переселенцами. В отчете имперского статистика А.А. Кауфмана приводятся примеры нетерпимости старожилов к вновь прибывшим переселенцам, ока-

завшимся в чужом крае в сложных хозяйственно-экономических условиях. В поселке Антоновском Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области уездная администрация распорядилась выделить земельные наделы для усадеб «билетных» переселенцев. Старожилы предприняли все меры для того, чтобы переселенцы не задержались в поселке: «...приписные (имеются в виду старожилы. – Ю.Ц.) всячески “дуют и выживают” этих позднейших поселенцев: за право пользования водою для усадеб берут по 3 рубля с дома; требуют плату за скот, по 3 рубля с головы, хотя скот “билетных” пасется не на крестьянском выгоне, а на соседней киргизской (казахской. – Ю.Ц.) летовке (бесплатно)» [11. С. 46]. Страдающие от притеснений старожилов, «билетные» переселенцы в Аулиеатинском уезде легче решали земельные вопросы с казахами, арендуя у них земельные наделы.

Во время ревизии в 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н.А. Гаврилова в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях были выявлены случаи мошенничества и обмана самовольных переселенцев, покупающих части земельных наделов у старожилов. Не все переселенцы, покупая землю у старожилов, оформляли земельную сделку на уровне Уездного Начальника, у которого земельный надел официально по-прежнему был закреплен за прежним хозяином. «Проходят многие года бесспорного владения и вдруг находитесь или наследник, или даже сам продавший раньше дом, заявляет свои права на землю и требует выдворения новосела. Последний, как не водворенный подлежащею властью и не приписанный, признается не имеющим прав и таким образом терпит убытки, сопряженные с выдворением» [12. С. 206].

Этнограф, автор заметок о переселенческом деле в селениях Сырдарьинской области И.И. Гейер подмечает наличие взаимопомощи у немцев в Туркестане, которая проявилась в том, что у немецких жителей с. Константиновского Ташкентского уезда оказались покровители в лице ташкентского немецкого сообщества, которое в 1892 г. пожертвовало денежное пособие на постройку домов приезжих немцев. В то время как русские не были связаны крепкими чувствами национальной солидарности, «...их старшие братья, ташкентская интеллигенция, не похожа на немецкое общество, и не только относится с полным равнодушием к их судьбе, но и при всяком удобном случае отрешиваются от них, как от чего-то вполне чуждого и даже ненавистного» [13. С. 33]. Отчужденность русского переселенческого населения в Сырдарьинской области отчасти была связана с тем, что не в каждом селе удавалось объединить выходцев из одной губернии. Традиционный уклад русской семьи, разный опыт проживания переселенцев в пределах Европейской России затрудняли процессы консолидации и самоидентификации русского населения в пределах Туркестана.

В дореволюционных публикациях широко обсуждались проблемы заселения региона, плюсы и минусы этого процесса, в том числе и тот ущерб, который потерпело коренное население. В первую очередь

подчеркивалось неравенство в положении русского крестьянина в Туркестане и его влиянии на отношения между переселенцами и коренным населением. Русский переселенец в Туркестане всегда «чувствовал спиной» поддержку Российской империи. Это как стимулировало положительные успехи в деле хозяйственно-экономической адаптации, так и выражалось в злоупотреблениях по отношению к автохтонному населению.

Во многих работах имперских чиновников отмечалось, что оберегаемые законом права «туземцев» в первую очередь нарушались крестьянами. Поводом к конфликтам становились споры из-за земли, системы водопользования и денежных расчетов, в которых захватчиками в большинстве случаев выступали крестьяне. Хотя туркестанская администрация стремилась следовать принципу мирных соглашений с кочевниками и на добровольных началах изымать земли под русские поселки, иногда за денежное вознаграждение. Всё же данная земельная политика России на присоединенных окраинах провоцировала ситуацию, когда для переселенцев «полудобровольно, полупринудительно» изыскивалась земля из наделов коренных жителей региона [14. С. 287]. Военный Губернатор Сырдарьинской области в 1910 г. отмечал: «Презрительное отношение крестьян к туземцам действительно замечается <...> но отношение это бессознательное и происходит оно, по моему мнению, или просто от кичливости завоевателя над покоренным или просто – от грубости, присущей русскому крестьянину» [8. Л. 48 об.].

Несмотря на широкое обсуждение проблем колонизации в регионе в докладах и отчетах чиновников, которые приезжали в Туркестан с целью ревизии, в этих публикациях во главу угла ставились целесообразность и интересы государства, а не ущемление прав коренного населения.

А.А. Кауфман показал случаи, когда между крестьянами и казахами в Сырдарьинской области завязывались добрососедские деловые отношения, связанные с арендой земли, поливом и т.д. «...особенно при киргизских (казахских. – Ю.Ц.) нравах, неразрывно связанных с возникновением «тамырства»

(дружбы-побратимства. – Ю.Ц.) и вообще взаимного гостеприимства» [11. С. 33]. Некоторые черты хозяйственной жизни русских успешно были заимствованы в хозяйстве коренного населения Сырдарьинской области. В частности, коса-литовка быстро перешла в хозяйство казахов и значительно облегчила заготовку кормовых средств для зимнего содержания скота [Там же. С. 34].

В одной из поездок по русским селениям Сырдарьинской области этнограф И.И. Гейер отмечает тот факт, что в обыденной жизни в присоединенном Туркестане заметно больше проявляется сам факт русского «присутствия»: «Чем ближе приближаешься к г. Чимкенту, тем больше проникаешься сознанием, что путешествуешь по русской стране. Зипун и косоворотная рубаха энергично борются за право преобладания в народной толпе, так как крестьянский извозный промысел более чем на половину сократил грузовое движение на туземных арбах, то русское лицо попадется на пути гораздо чаще бритой сартовской головы» [13. Л. 33].

Переселенческая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве была направлена на формирование русского земледельческого анклава, который наряду с воинскими контингентами стал бы «оплотом российского самодержавия в Туркестане» и способствовал развитию экономики в выгодном для империи направлении. Принципы осуществления переселенческой политики повлияли на формирование особых социокультурных характеристик русских в Туркестане, отличавших его от основной массы автохтонного населения региона. Русская администрация стремилась в хозяйственно-бытовом отношении оградить переселенцев от контактов с местным населением, создавая «русские части» городов и новые переселенческие поселки. Военно-народное управление Туркестаном способствовало переселению православных русских. При этом в дореволюционном Туркестане обозначились важные особенности русского сообщества в Средней Азии, имеющие сложносконструированный характер, из-за чего русская администрация испытывала трудности в деле сплочения переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века). М., 1991. 192 с.
2. Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. 128 с.
3. Брусица О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М.: Восточная литература РАН, 2001. 240 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXXVI: Сыр-Дарьинская область. 207 с.
5. Переселенческое дело в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910. 430 с.
6. Цыряпкина Ю.Н. Православная церковь в Узбекистане во второй половине XIX – начале XXI века под влиянием политики центральной власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1, № 4 (64). С. 41–43.
7. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 346.
8. ЦГА РУз. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 858.
9. ЦГА РУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3745.
10. Швердин М. Джейхун. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1983. 230 с.
11. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет Члена Ученого Комитета М-ва З. и Г.И. А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. 205 с.
12. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911. 336 с.

13. Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (письма с дороги). Т. I: Чимкентский уезд. Ташкент, 1893 (письмо III) // ЦГА РУз. Ф. Р.-2412. Оп.1. Д. 339. Л. 33.
14. Цырыпкина Ю.Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 285–289.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 сентября 2016 г.

RUSSIAN SETTLERS IN TURKESTAN IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE MAIN SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 183–187.

DOI: 10.17223/15617793/411/25

Yulia N. Tsyryapkina, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: guzvenko@yandex.ru

Keywords: migrants; Orthodox; colonization; Turkestan; identity; indigenous peoples; land issue.

The resettlement policy of the Russian Empire in the Turkestan Governor-Generalship was aimed at the formation of the Russian agricultural enclave, which together with military contingents would become “a bulwark of the Russian autocracy in Turkestan” and contribute to the development of the empire’s economy. The aim of the article is to identify the main features of settlers’ adaptation in Turkestan. Their socio-cultural characteristics were documented in the reports of the tsarist administration at the beginning of the 20th century. At the beginning of the 20th century commissions of A.A. Kaufman in 1903, N. Gavrilov in 1910 and senatorial inspection of Earl K.K. Palen in 1908 were sent to Turkestan. According to the results of these commissions, reports about the conditions of the resettlement in Turkestan were published. The principles of the resettlement policy influenced the formation of the specific socio-cultural characteristics of Russians in Turkestan, which distinguished them from the majority of the indigenous population of the region. The sources for the article are materials of senatorial inspections of the early 20th century in the Turkestan Governor-Generalship. Analyzing various documentary sources about the Russian settlement of Turkestan in the late 19th – early 20th centuries, the author of the article comes to the following conclusions, distinguishing the sociocultural characteristics of the Russian community: 1. Adherence to Orthodoxy, the most important feature. Predominantly Russians of Orthodox faith, belonging to peasantry were allowed to resettle in Turkestan. Russian settlers from different regions of the Russian Empire, differing in dialects, peculiarities of farming and ordinary life, traditions and mentality could unite in Turkestan in the most successful way on the basis of belonging to the Orthodox community. Orthodoxy as the state religion in the Russian Empire provided links of settlers with the state in Turkestan, which was mostly populated by Muslim indigenous population. 2. Living in separate enclaves in the newly established resettlement villages or the “Russian part” of the Turkestan’s city. This way the Russian administration sought to protect settlers against contacts with the local population in the household. 3. The alienation and lack of consolidation of settlers. The high degree of disconnection and alienation can be attributed to the clearly manifested sociocultural characteristics of Russian settlers in Turkestan. Russian settlers were not a consolidated group, the difficulties were manifested in the social and economic disconnection and competition between sourdoughs and newly arrived settlers in the late 19th – early 20th centuries, between settlers from different provinces of the Russian Empire. In pre-revolutionary Turkestan important features of the Russian community in Middle Asia were designated due to which the Russian administration had difficulties in the consolidation of settlers.

REFERENCES

1. Ginzburg, A.I. (1991) *Russkoe naselenie v Turkestane (konets XIX – nachalo XX veka)* [Russian population in Turkestan (the end of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow.
2. Fomchenko, A.P. (1983) *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian settlements in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries. (A socio-economic aspect)]. Tashkent: Fan.
3. Brusina, O.I. (2001) *Slavyane v Sredney Azii. Etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX – konets XX veka* [The Slavs in Central Asia. Ethnic and social processes. Late 19th – late 20th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS.
4. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first national census of the Russian Empire, 1897]. Vol. LXXXVI. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.
5. Palen, K.K. (1910) *Pereselencheskoe delo v Turkestane. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom grafom K.K. Palenom* [Resettlement in Turkestan. Report of the Audit of Turkestan, produced by the Imperial order by Senator Hoffmeister Count K.K. Palen]. St. Petersburg: Senat. tip.
6. Tsyryapkina, Yu.N. (2015) The history of development of Orthodox parishes of Tashkent region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1:4 (64). pp. 41–43. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.21603/2078-8975-2015-4-41-43>
7. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund R-2412. List 1. File 346. (In Russian).
8. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I.-1. List 17. File 858. (In Russian).
9. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I-36. List 1. File 3745. (In Russian).
10. Sheverdin, M. (1983) *Dzheykhun* [Ceyhun]. Tashkent: Izd-vo literatury i iskusstva.
11. Kaufman, A.A. (1903) *K voprosu o russkoy kolonizatsii Turkestanskogo kraja* [On the question of Russian colonization of Turkestan]. St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma.
12. Gavrilov, N. (1911) *Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya i Ferganskaya). Otchet po sluzhebnoy poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom Upravlenii N. Gavrilova* [Resettlement in Turkestan (the region of the Syr Darya, Samarkand and Fergana). The report on the trip to Turkestan in the autumn of 1910 of official for special assignments of the Resettlement Department N. Gavrilov]. St. Petersburg: tip. Fund Vaysberga i P. Gershunina.
13. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund R.-2412. List 1. File 339. Page 33 Geyer, I. (1893) *Po russkim seleniyam Syr-Dar'inskoy oblasti (pis'ma s dorogi)* [Russian villages of the Syr Darya region (travel letters)]. Vol. 1.
14. Tsyryapkina, Yu.N. (2015) Resettled Community in the Syrdarya Region of Turkestan in the Reports of the Tsarist Administration at the Beginning of the XXth Century. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. 4/1 (88). pp. 285–289. (In Russian).

Received: 15 September 2016